

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.67>

Громова Алла Витальевна

МИФОПОЭТИКА НАРОДНО-РЕЛИГИОЗНОГО КАЛЕНДАРЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается мифопоэтическая семантика народно-религиозного календаря и функции даты в художественных произведениях Серебряного века. В качестве объекта изучения избраны менее изученные (в отличие от Рождества и Пасхи) праздники церковного календаря: Иванов день, Ильин день и День Усекновения главы Иоанна Предтечи. Анализ проведен на материале рассказов и повестей А. И. Куприна, И. А. Бунина, И. А. Новикова. Показано, что формирование мифопоэтического подтекста в реалистическом произведении служит символизации образов, раскрывает глубину проблематики, а эти тенденции соответствуют типологии "нового реализма" рубежа веков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/2/67.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 318-322. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Зырянов А. И.** Глобус, Парма и Тобол (о писателе Алексее Иванове как географе) // Географический вестник. 2017. № 3 (42). С. 43-47.
7. **Иванов А.** Тобол. Мало избранных: роман-пеплум. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. 827 с.
8. **Иванов А. В.** Тобол. Много званых: роман-пеплум. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. 702 с.
9. **Казначеев С.** Но мало избранных [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2017. № 4. URL: <http://lgz.ru/article/-4-6584-1-02-2017/no-malo-izbrannykh/> (дата обращения: 01.12.2018).
10. **Кронгауз М.** Раздвигающие язык: «эффект хонтуя» [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/povuy_mi/2004/5/kron9.html (дата обращения: 01.12.2018).
11. **Никольский Е. В.** Опыт современного эпоса: роман Алексея Иванова «Общага-на-Крови» // Пушкинские чтения – 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: мат-лы XXII Международной научной конференции / под ред. Д. С. Скворцова, Т. В. Мальцевой. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2017. С. 119-131.
12. **Полный церковно-славянский словарь** / сост. Г. Дьяченко; репринтное воспроизведение издания 1900 г. М.: Отчий дом, 2005. 1120 с.
13. **Пропп В. Я.** Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 143 с.
14. **Со- (префикс)** [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/360522.html> (дата обращения: 01.12.2018).
15. **Чагинская Е. А.** От слова к образу: юродивый как инверсия соблазна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1). Ч. 2. С. 143-159.

MANY ARE CALLED: MOTIVE OF TEMPTATION IN A. IVANOV'S NOVEL "TOBOL"

Goncharov Petr Andreevich, Doctor in Philology, Professor
Goncharov Pavel Petrovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Michurinsk State Agrarian University
goncharovpa2015@yandex.ru; pascha.gj2015@yandex.ru

The article studies the function and dynamics of the temptation motive in A. Ivanov's historical novel. For the first time, with the help of the analysis of recurring indivisible narrative units, the authors make an attempt to ascertain the dominants of the prose writer's creativity and the direction of his artistic philosophy development. The novel "Tobol" is interpreted in the context of A. Ivanov's creative work, in conjunction with the literary tendencies of the late XX – early XXI century. The change of the writer's and the hero's attitude to temptation, the replacement of it with other motives is qualified reasonably as a sign of originality and a significant step in the evolution of the writer's artistic world.

Key words and phrases: A. Ivanov; "Tobol"; novel; motive of temptation; evolution; Siberia; Christianization.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 08.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.67>

В статье рассматривается мифопоэтическая семантика народно-религиозного календаря и функции даты в художественных произведениях Серебряного века. В качестве объекта изучения избраны менее изученные (в отличие от Рождества и Пасхи) праздники церковного календаря: Иванов день, Ильин день и День Усекновения главы Иоанна Предтечи. Анализ проведен на материале рассказов и повестей А. И. Куприна, И. А. Бунина, И. А. Новикова. Показано, что формирование мифопоэтического подтекста в реалистическом произведении служит символизации образов, раскрывает глубину проблематики, а эти тенденции соответствуют типологии «нового реализма» рубежа веков.

Ключевые слова и фразы: русская проза Серебряного века; фольклоризм литературы; мифопоэтика; народно-религиозный календарь; новый реализм.

Громова Алла Витальевна, д. филол. н., доцент
Московский городской педагогический университет
gromovaav@mail.ru

МИФОПОЭТИКА НАРОДНО-РЕЛИГИОЗНОГО КАЛЕНДАРЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

В произведениях русской литературы XIX – начала XX века время действия, как правило, соотносится с церковным календарем, и гораздо чаще, чем упоминания конкретных дат, встречаются указания типа: «на Пасху», «на Троицу», «на Рождество», «Великим Постом», «на именины героя» и т.п. С одной стороны, такой способ хронологических обозначений является отражением общепринятых в то время норм; с другой стороны, в литературном произведении он может нести дополнительную семантическую нагрузку, придавая символический смысл изображенным событиям. Это особенно актуально для эпохи Серебряного века, когда происходило обновление реализма [9], выразившееся в том числе в усилении суггестивности текста, насыщении его скрытой символикой, нередко ориентированной на мифологию.

Известно, что в крестьянском восприятии православных обрядов присутствовало множество рудиментов, восходящих к языческой древности, что привело к формированию своеобразного «народно-религиозного» календаря, в котором официальные церковные праздники соединялись с архаическими представлениями, суевериями и ритуалами, отраженными в фольклоре. Большинство русских писателей Серебряного века, независимо от своего социального происхождения, были хорошо знакомы с народными представлениями, о чем свидетельствует их литературное творчество.

В данной статье ставится цель рассмотреть мифопоэтическую семантику и функции календарных дат в произведениях начала XX века: повести А. И. Куприна «Яма» (1909-1915), рассказе И. А. Новикова «Возлюбленная – Земля» (1926) и рассказе И. А. Бунина «Белая лошадь» (1908-1927).

Актуальность затронутой темы обусловлена рядом причин: повышенным интересом к исследованию процессов обновления реализма в эпоху Серебряного века (который, согласно новым историко-литературным концепциям, захватывает и 1920-е годы), к мифопоэтическому анализу литературных произведений, к междисциплинарным исследованиям (в данном случае – к проблеме взаимодействия литературы и фольклора). Новизна связана с обращением к редко анализируемым произведениям, а также с выбором объекта изучения. Литературоведы наиболее часто обращались к семантике ключевых событий христианской истории – Рождества и Пасхи, и на сегодня существуют авторитетные труды, посвященные этим темам. Так, например, привязка к Рождеству – неотъемлемая жанровая черта рождественского рассказа – связана с представлением о рождественском чуде милосердия, нисходящем на страдающего человека [8]. В современной науке много написано о пасхальности русской литературы как категории, проводящей идею духовного воскресения [6; 7]. Рассмотрение символических коннотаций других праздников христианского календаря представляется, на наш взгляд, не менее интересным, и в качестве объекта избран позднелетний цикл, который следует за пасхальным и обладает целым спектром разнообразных мифопоэтических значений. Из праздников, следовавших за Троицей, заслуживают внимания Иванов день (Рождество Иоанна Предтечи, отмечавшееся 24 июня ст.ст., 7 июля н.ст. – в народе известный под языческим наименованием Иван Купала), Ильин день (громовержца Илии, 20 июля ст.ст., 2 августа н.ст.), Успение Богородицы (15 августа ст.ст., 28 августа н.ст.) и День усекновения главы Иоанна Предтечи (Головосек или Иван Постник, 29 августа ст.ст., 11 сентября н.ст.).

В фольклоре у каждого календарного цикла была своя семантическая и эмоциональная доминанта, обусловленная в том числе временем года. **Пасхальный** цикл (хронологически охватывающий время от начала Великого Поста вплоть до Троицы) имеет светлую, оптимистическую семантику и, как правило, сопряжен с сюжетом нравственного возрождения, спасения души. Оптимистичный настрой Пасхального периода поддержан календарной приуроченностью праздника к весне – времени возрождения природы. (Заметим также, что в народной культуре весенние ритуалы считались преимущественно детскими и молодежными). Кульминацией **летнего** цикла был Иванов день (или Иван Купала, восходящий к древнему празднику летнего солнцестояния) с его брачно-эротической символикой расцвета и плодородия. Праздники **позднелетнего** периода неизбежно связывались с символикой увядания, угасания, опасности и смерти. Так, день громовержца Илии был окружен мотивами возмездия, наказания за грехи, а двенадцатые праздники Успения Богородицы и Усекновения главы Иоанна Предтечи – это дни ухода из жизни центральных персонажей христианской мифологии.

Отражение этой символики можно обнаружить во множестве произведений русской литературы Серебряного века и наследующей её традиции литературе последующих периодов.

Символическая смысловая динамика временного движения отражена, например, в хронологии повести Куприна «Яма» – художественном этюде, исследующем такую социальную язву дореволюционной России, как легализованная проституция. Действие повести начинается на Троицу – то есть в последний день пасхального цикла, что служит указанием на невозможность духовного возрождения для героев. В этот день одна из обитательниц веселого дома Женька узнает о своей роковой болезни, которая впоследствии станет причиной ее самоубийства, и принимает решение мстить за свою сломанную жизнь, заражая всех без разбора гостей.

В ту же ночь публичный дом посещает компания студентов, которые весь день целомудренно справляли «маевку» со знакомыми барышнями: катались на лодках, купались и пели песни. Их «благодушному настроению помогало солнце, свежий речной ветерок, сладкие дыхания трав и воды» [10, с. 175], но, «почти помимо их сознания», заигралась их «простая, здоровая, инстинктивная чувственность молодых игривых самцов» [Там же]. И потому, когда они вышли в «тревожную темноту ночи... с ее ароматами, скользвившими из невидимых садов и цветников, то у каждого из них пылала голова и сердце тихо и томно таяло от неясных желаний. <...> И – без слов, без мыслей, без сознания – влекло в эту ночь бежать без одежд по сонному лесу, обнюхивать торопливо следы чьих-то ног в росистой траве, громким кличем призывать к себе самку» [Там же].

В приведенном отрывке отметим упоминание растений – деталь, характерную для праздников середины лета. Например, в Троицу дома и храмы украшали березовыми ветвями (в повести Куприна – даже публичный дом украшен ими). Но «расцвет травный», символически связанный с идеей плодородия и несущий эротический смысл, вкупе с солнцем и водой, формирует комплекс образов, характерных для другого праздника – Иванова дня с его брачной символикой и ритуалами купания [1, с. 513-539; 13, с. 363-368]. По мысли Куприна, «в человеке, в бесконечной глубине его души, тайно пробуждается от беспечного соприкосновения с землей, травами, водой и солнцем древний, прекрасный, свободный, но обезображенный и напуганный людьми зверь» [10, с. 175].

Развязка сюжета – самоубийство Женьки, за которым следует распад всего уклада Ямы, – приходится на 28 августа, то есть канун дня Усекновения главы Иоанна Предтечи. Отметим еще одну возможную

интерпретацию даты: после публикации первой части повести в 1909 г. прошло несколько лет (т.к. Куприн был мобилизован в армию), 2-я и 3-я части публиковались в 1914 и 1915 гг. соответственно (июнь 1915 г. в сборнике «Земля»). Если учесть, что в 1915 г. (в связи с начавшейся мировой войной) в России уже практиковалось указание дат по двум календарям (Юлианскому и Григорианскому), то можно допустить, что дата дается по новому стилю и в таком случае совпадает с праздником Успения Богородицы. Неслучайно Куприн предпослал повести посвящение: «Знаю, что многие найдут эту повесть безнравственной и неприличной, тем не менее от всего сердца посвящаю ее матерям и юношеству» [Там же, с. 136]. Кадет Гладышев при последней встрече с Женей удивлен: «Он никогда еще в жизни не встречал нигде, даже на картинах, такого прекрасного выражения нежности, скорби и женственного молчаливого упрека, какое сейчас он видел в глазах Женьки, наполненных слезами» [Там же, с. 362]. «...Женька-безбожница, ругательница и скандалистка, вдруг поднялась с постели, стала перед кадетом и медленно, почти торжественно перекрестила его.

– Да хранит тебя господь, мой мальчик! – сказала она выражением глубокой нежности и благодарности» [Там же, с. 364].

Так, гибель падшей женщины окружается ореолом возвышенных ассоциаций и приобретает трагическое звучание.

В отличие от Куприна, любимого широкой читающей публикой, Иван Новиков до недавнего времени был известен главным образом как автор дилогии «Пушкин в изгнании», а его ранняя проза стала объектом научного изучения лишь в 2000-е годы. Рассказ «Возлюбленная – Земля» (1922 г., опубликован в 1926 г.) уже осмыслялся литературоведами [3-5], но мифопоэтика художественного времени не привлекала внимания исследователей. Между тем календарная приуроченность событий в данном произведении также имеет символическое значение, и ключевой датой здесь становится Ильин день.

Рассказ Новикова написан как монолог главного героя – дворянина, в ходе революции и Гражданской войны потерявшего семью: его сыновья погибли, жена умерла, дочь эмигрировала. Пережив тяжелые годы в Москве, он отправляется в село, где находится его бывшая усадьба, поселяется сначала в доме крестьянина Королева, а затем – в своем бывшем доме, где устроена библиотека. У него завязываются дружеские отношения с Павлушей, сыном Королева, а в его старшую дочь Ольгу герой влюбляется, несмотря на значительную разницу в возрасте.

В рассказе неоднократно подчеркивается «органическое» язычество русских крестьян, да и главный герой говорит о себе: «Я, человек, интеллигент, даже немного... христианин. Это “немного” выдает меня с головой» [11, с. 35]. Начав новую жизнь, рассказчик называет константы вновь обретенного мира: «Перун в вышине, земля под ногами и человек – как он есть» [Там же, с. 38]. Небесный бог здесь назван Перуном, а про святого Илию герой говорит: «Илья, грозный, громовый пророк. ... между святых он как бог, древних отцов древний Перун, доселе живущий и в христианстве нашем, проблематическом» [Там же, с. 37].

Накануне Ильина дня во время жатвы происходит объяснение в любви. В народной культуре этот праздник иногда связывался с брачной темой и обрядами плодородия [13, с. 405], а рожь обладала амбивалентной – брачной и похоронной – символикой [14, с. 467]. Счастью персонажей не суждено было воплотиться: Ольга оказалась внучкой героя, а сам он отравился змеиным ядом, спасая Павлушу, укушенного змеей в Ильин день.

В народной культуре с этим праздником было связано множество мифологических представлений, календарных и хозяйственных примет, запретов и т.п. «Ильин день считался временем наиболее сильных летних гроз и бурь, страх перед последствиями которых (пожары, разрушения, гибель урожая) породил отношение к И.д. как к опасному и крайне неблагоприятному» [13, с. 403]. Владение громом и молниями тесно связано с такой функцией Ильи-пророка, как преследование нечистой силы и змеборчество. По русским поверьям, святой преследует громом и молнией чертей, которые прячутся на межах, под крышами хозяйственных построек, под деревьями, в частности, в кустах орешника. В России также было известно поверье о том, что в Ильин день «ходят гады», нападают на людей и скот, поэтому в Ильин и несколько последующих дней нельзя было ходить в лес [Там же, с. 404]. Герои повести Новикова нарушили традиционный запрет: пошли в лес собирать орехи, но здесь змея трактуется как стрела Перуна, поразившая героя не столько в наказание за несостоявшийся грех, сколько для предотвращения возможного инцеста: «Каленою этой стрелой Перун – меня поразил, или вернее, я сам принял ее» [11, с. 42].

Умирая, герой догадывается о своем родстве с Ольгой и Павлушей. Мотив инцеста также трактуется мифологически: в сознании героя образ Ольги сливается с образом земли, которую он воспринимает и как мать, и как возлюбленную: «Ольга, она же земля» [Там же, с. 37]; «О земля моя – возлюбленная!.. Как нежны, земля, объятия рук твоих, как неотрывны! Я подлинно в них как ребенок, дитя...» [Там же, с. 41]; «Но и Ольга – как мать. Как это сразу я не узнал? Вечная мать и она же возлюбленная... земля и цветет, и родит, и принимает» [Там же, с. 42].

Таким образом, автор (вполне в духе нового реализма, испытавшего влияние новейших религиозно-философских доктрин Серебряного века) утверждает «языческую» мудрость земли, которая оказывается древнее и шире традиционных «интеллигентских» представлений о социуме, морали и религии.

В рассказе Ивана Бунина «Белая лошадь» значимым является приуроченность действия к августовскому празднику, предположительно «Ивану Постнику».

Рассказ первоначально был издан в 1908 г. под заглавием «Астма» и впоследствии дважды переработан автором: в 1927 и 1929 гг. Первый вариант представлял собой развернутое повествование из трёх частей: в первой сообщалась предыстория событий (указывалось имя, возраст, сословное происхождение главного

героя), во второй части изображалась его поездка, во время которой землемера преследовало видение белой лошади, в третьей части описывались его прибытие домой, болезнь и смерть [2, с. 453-464]. При последующих публикациях Бунин убрал начало и конец рассказа, оставив только центральную часть – описание поездки и видение белой лошади. Исчезла мотивировка видения – астма и начинающееся воспаление легких, как и имя героя – он стал называться просто землемером. Таким образом, усилилась суггестивность повествования, скрытые смыслы ушли в подтекст, большую роль стали играть детали, приобретая символическое значение. Это относится в первую очередь к заглавному образу белой лошади, которая сопровождает землемера в его путешествии через железную дорогу, лес и реку. Данный образ, безусловно, наделен мифопоэтическим значением и предстает в качестве психопомпа – проводника в условном загробном мире [12, с. 169-181], в котором блуждает землемер перед своим предсмертным прозрением, как будто переживая обряд перехода.

Это ночное блуждание приурочено ко дню Усекновения главы Иоанна Предтечи – празднику, окруженному множеством запретов. Иван Постник (или Головосек) – «у православных славян один из двенадцатых праздников, требующий соблюдения строгого поста и отказа от работы ради здоровья людей и скота. Считается концом лета и началом осени; в этот день остерегались ходить в лес...»; «У южных славян Усекновение признается одним из самых опасных праздников... В тот день недели, на который пришелся Головосек, в течение целого года не начинали никаких важных дел – пахоты, сева, не отправлялись в путь, не устраивали свадьбы, даже если это было воскресенье» [13, с. 135-136].

Встретив ночью в лесу привидение белой лошади, землемер переживает необъяснимые внутренние изменения, которые заставляют его переоценить свою обыденную жизнь и задуматься о высшем смысле человеческого бытия, обратиться к Библии и увидеть ничтожность и суетность повседневных забот, составлявших ранее его существование. Выздоровев после изнурительной болезни, землемер, тем не менее, «уже твердо знал: это его последняя осень» [2, с. 328]. И хотя Бунин в последнем издании рассказа убрал финальную сцену, в которой сообщалось о смерти землемера, внутренняя логика сюжетного развития подводит к такому исходу: герой переживает «обряд перехода», интуитивно готовясь к смерти, и происходит это в канун одного из самых трагических праздников христианской истории.

Итак, очевидно, что в названных произведениях датировка событий связана с мифопоэтикой народно-религиозного календаря, имеет символический смысл и позволяет глубже проникнуть в замысел авторов. Нет сомнений, что писатели знали о фольклорных представлениях и использовали эту датировку сознательно. Для анализа были взяты произведения реалистические, что свидетельствует о новом качестве реализма Серебряного века: усилении символической и мифологической составляющей, стремлении к использованию более масштабных и универсальных категорий, нежели художественный образ. Данная тенденция отразила новое мировидение, свойственное культуре рубежа веков, а также взаимодействие реализма и модернизма. Подобные примеры, вероятно, можно умножить, рассмотрев символику дат в творчестве писателей-модернистов. Обозначенная тенденция прослеживается и в литературе более поздних периодов, например, в произведениях русского зарубежья. В целом данная тема представляется весьма перспективной для дальнейшего исследования.

Список источников

1. **Агапкина Т. А.** Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
2. **Бунин И. А.** Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 2. 527 с.
3. **Вологина О. В.** Философия жизни и смерти в повести И. Новикова «Возлюбленная – Земля» (1922) // Творчество И. А. Новикова в контексте русской литературы XX века: материалы Всероссийской научной конференции к 130-летию со дня рождения И. А. Новикова. Мценск: Мценская центральная городская библиотека им. И. А. Новикова, 2013. С. 44-51.
4. **Грачева А. М.** «Современные повести»: прозаический цикл И. Новикова // Орловский текст российской словесности: материалы Международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения И. А. Новикова. Мценск: Мценская городская библиотека имени И. А. Новикова, 2013. С. 15-22.
5. **Громова А. В.** Семантика заглавного образа повести И. А. Новикова «Возлюбленная – Земля» в свете неореалистической эстетики // Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума: сб. трудов к 90-летию Т. Я. Гринфельд-Зингурс. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 54-62.
6. **Есаулов И. А.** Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. 560 с.
7. **Захаров В. Н.** Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. Вып. 1. С. 249-261.
8. **Калениченко О. Н.** Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX в. (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла): монография. Волгоград: Перемена, 2000. 240 с.
9. **Келдыш В. А.** Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): сборник научных трудов. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. Кн. 1. С. 259-335.
10. **Куприн А. И.** Избранное. К.: Высшая школа, 1980. 432 с.
11. **Новиков И. А.** Возлюбленная – Земля. М.: Правда, 1989. 479 с.
12. **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.
13. **Славянские древности. Этнолингвистический словарь:** в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. 704 с.
14. **Славянские древности. Этнолингвистический словарь:** в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. 656 с.

MYTHOPOETICS OF FOLK-RELIGIOUS CALENDAR IN THE RUSSIAN PROSE OF THE EARLY XX CENTURY

Gromova Alla Vital'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Moscow City University
gromovaav@mail.ru

The article deals with the mythopoetic semantics of the folk-religious calendar and the function of date in the works of fiction of the Silver Age. As the object of study the author has chosen the less studied (as opposed to Christmas and Easter) holidays of the church calendar: St. John the Baptist's Day, St. Elijah's Day and the Day of the Beheading of John the Baptist. The analysis is carried out by the material of stories and short novels by A. I. Kuprin, I. A. Bunin and I. A. Novikov. It is shown that the formation of mythopoetic subtext in a realistic work serves as symbolization of images, reveals the depth of problems, and these trends correspond to the typology of "new realism" of the turn of the centuries.

Key words and phrases: Russian prose of Silver Age; folklorism of literature; mythopoetics; folk-religious calendar; new realism.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 17.12.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.68>

В статье поднимается проблема недостаточной изученности портрета персонажа в литературоведении, а также анализируются особенности его функционирования в повести А. И. Куприна «На переломе» (на материале детских образов). Выявляется важность и сложность функций портрета как художественного приема в творчестве писателя, что позволяет сделать вывод о необходимости его детального изучения. В ходе проведенного анализа установлено, что портрет в повести выполняет характерологическую и психологическую функции, а также активизирует эмоционально-оценочное восприятие читателя.

Ключевые слова и фразы: А. И. Куприн; литературный портрет; психологический портрет; характеристический портрет; портрет-впечатление; повесть; персонаж; функции.

Култышева Ольга Михайловна, д. филол. н., доцент

Шинкевич Ольга Николаевна

Нижегородский государственный университет

kultisheva@inbox.ru; olgakatrenko99@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОГО ПОРТРЕТА В ПОВЕСТИ А. И. КУПРИНА «НА ПЕРЕЛОМЕ»

Изучение литературного портрета как художественного приема началось в начале XX века, однако сегодня работы, в которых ставятся вопросы, относящиеся к проблеме изучения портрета персонажа, преобладают над фундаментально-теоретическими. Например, Г. С. Сырица исследует портрет в творчестве Ф. М. Достоевского с позиций его ассоциативно-семантических связей [15], Л. Н. Дмитриевская говорит о проблеме определения и литературного анализа пейзажа и портрета в творчестве З. Н. Гиппиус [8]. Таким образом, изучение портрета персонажа считается в литературоведении актуальным.

Сущность проблемы литературного портрета сформулирована еще в 1923 году А. И. Белецким в работе «В мастерской художника слова» [2]. Среди теоретических работ, относящихся к проблемам изучения литературного портрета, следует отметить также таких исследователей, как М. О. Габель «Изображение внешности лиц» (1923) [5], Б. Е. Галанова «Искусство портрета» (1967) [7] «Живопись словом: портрет, пейзаж, вещь» (1974) [6]. Названные авторы сходятся во мнении, что образ персонажа, начиная с XIX века, реализуется писателями с точки зрения антропоцентричности, присущей художественному тексту в данный период. Толчком к реализации данной особенности послужила усиливающаяся тенденция к индивидуализации героя в художественном произведении. Открывшиеся широкие возможности изображения различных по характеру персонажей определили начало нового феномена в литературоведении – литературного портрета.

Современных отечественных работ, посвященных анализу видов и функций портрета персонажа, множество. Среди них можно отметить работы Г. С. Сырицы, М. Г. Уртминцевой, Л. Н. Дмитриевской [8; 15; 17]. Однако вопрос разработки единой классификации портрета персонажа остается открытым. Эта проблема озвучена Н. Д. Тмарченко. Ученый считает, что привычный для всех, функционирующий до XIX века идеализированный классический портрет, имеющий «характерную строгую заданность границ объекта описания», становится обратной стороной портрета гротескного, которому свойственно «размывание границ между различными предметами, находящимися в поле зрения субъекта речи», «эти два типа образов образуют полосу, между которыми возможны различные варианты» [13, с. 177]. Таким образом, обозначенное Тмарченко «пространство» между выделяемыми им видами портрета персонажа и сегодня даёт возможность выделять, анализировать и оправдывать существование тех или иных видов портрета персонажа. В связи с этим, разными исследователями изображенного в художественном произведении мира (А. Ш. Абдуллина, А. Б. Есин, Л. И. Кричевская, О. А. Малетина, Л. Ю. Юркина и др.) создаются собственные